

Ван Хулай в последнее время пристально следил за динамикой кассовых сборов «Безумного наклейщика плёнок».

Поскольку за первый месяц проката заполняемость залов оставалась стабильно высокой, киносети и отдельные кинотеатры согласились продлить время показа. В итоге среди всех декабрьских премьер только «Безумный наклейщик плёнок» и «Город журавлей» всё ещё стойко держались в расписании, причём до сих пор собирали полные залы.

Брату Вану казалось, что он видит сон наяву.

Бюджет «Безумного наклейщика плёнок» со всеми расходами составил всего восемь миллионов (три из которых ушли на рекламу). Чтобы окупиться, фильму нужно было собрать двадцать четыре миллиона, но спустя месяц проката сборы перевалили за стомиллионную отметку!

Конечно, по сравнению с восьмьюстами миллионами «Города журавлей» эта сумма выглядела скромно, но если брать соотношение затрат к прибыли — это был форменный триумф.

А ведь это первый фильм Линь Шо.

Ван Хулай невольно задумывался: помимо его собственных усилий, за кулисами явно кто-то помогал. Иначе многие вопросы не решались бы так гладко. Впрочем, встретить на пути нужного человека — это тоже своего рода талант.

Зафиксировав данные по сборам за последний день января, Хулай уже собирался лечь спать, когда зазвонил телефон.

Линь Шо!

Ван Хулай поспешно ответил.

Голос Линь Шо звучал по-прежнему спокойно и обыденно:

— Я собираюсь снимать новую картину. Пойдёшь ко мне? Оставлю для тебя место второго режиссёра.

Хулай встрепенулся, и, не раздумывая, выпалил:

— Тут и спрашивать нечего! Конечно, пойду! — Согласившись, он уже не мог сдержать возбуждения. — Что за фильм? Команду уже набрали? Мне нужно искать инвесторов?

Линь Шо терпеливо пояснил:

— Всех, кого можно было задействовать, я уже позвал. Что касается вложений, то я и сам числюсь лишь вторым режиссёром, так что об этом нам беспокоиться не придётся.

Ван Хулай на мгновение опешил и тут же переспросил:

— Ты тоже второй режиссёр? А кто тогда главный?

— Твой брат, Ван Дунъян.

А-Лай снова замер. Мастерство Ван Дунъяна было общепризнанным, но обычно тот, даже желая помочь родственнику, лишь позволял ему вложиться в проект, но никогда не брал с собой на съёмочную площадку.

Что же изменилось на этот раз?

— Давай встретимся где-нибудь, перекусим и всё обсудим? — предложил Ван Хулай.

Линь Шо немного подумал.

— Хорошо. Подходи к моему дому, посидим в кафе, поговорим.

Линь Шо по привычке выбрал уличную забегаловку неподалёку от своего жилого комплекса. Ван Хулай, уже привыкший к его простоте, не стал привередничать. Он уселся за столик и с нетерпением спросил:

— Так в чём всё-таки дело?

Линь Шо вкратце пересказал сюжет.

К тому времени, как он закончил, принесли заказанную морепродуктовую кашу. Несмотря на поздний час, аромат был свежим и удивительно аппетитным; от котелка исходил тонкий, сладковатый запах. Линь Шо налил себе порцию и принялся неспешно есть.

Ван Хулай переваривал услышанное. Глядя, с каким аппетитом ест Линь Шо, он тоже наполнил свою чашку. У А-Шо всегда был талант находить вкусные места: даже в самой невзрачной палатке еда у него оказывалась превосходной.

Хулай залпом осушил две чашки и только тогда спросил:

— Это как-то связано с недавним скандалом вокруг Шэнь Южуна?

Ван Хулай не знал, что Линь Шо лично знаком с Южуном, и решил, что сценарий — задумка Ван Дунъяна, решившего поддержать актёра. Заметив, как Линь Шо кивнул, Брат Ван приободрился:

— Значит, Шэнь Южун будет играть главную роль?

Хулай и мечтать не смел, что ему доведётся снимать самого Шэнь Южуна! Даже в качестве второго режиссёра этого опыта ему хватило бы, чтобы хвастаться до конца жизни.

— Он будет играть, — Линь Шо сделал паузу и отставил чашку, — но не главного героя.

— А кого же?

— Врача.

Ван Хулай понимающе кивнул. Давать Шэнь Южуну главную роль в такой ситуации было бы слишком жестоко, а образ врача подходил ему идеально.

— А кто тогда станет протагонистом? — спросил он.

— Я, — небрежно бросил Линь Шо.

Ван Хулай застыл, словно громом поражённый. Если бы он по привычке не сжимал чашку в руках, она бы давно разлетелась вдребезги об асфальт.

Линь Шо отпил чаю и спокойно посмотрел на собеседника. У Брата Вана покраснели глаза.

— Я... я буду снимать ТЕБЯ?!!

Линь Шо улыбнулся.

— Да, ты будешь меня снимать.

У Ван Хулая было довольно странное мышление, из-за чего он частенько выпускал низкосортный ширпотреб. Однако в некоторых вещах у него имелся неоспоримый талант. Например, его кадры обладали какой-то естественной холодностью и жестокостью. Жаль

только, что А-Лай всегда гнался за наживой, из-за чего его сценарии напоминали нелепое месиво из натянутых шуток, превращаясь в нечто среднее между комедией и фарсом — его старые работы в категории «для взрослых» и то были качественнее.

В «Искуплении» как раз требовались подобные приёмы: в сценах, связанных с насилием, и в детальной проработке образа мерзавца. Это было то, в чём ни сам Линь Шо, ни Ван Дунъян не были сильны. Посоветовавшись, они решили привлечь Ван Хулая.

Линь Шо медленно доедал, давая другу прийти в себя. Он не ожидал, что тот отставит чашку и вдруг разрыдается навзрыд.

А-Шо немного растерялся. Он не привык к столь бурному проявлению чувств в свой адрес. Решив сыграть в «Искуплении», он, во-первых, хотел присмотреть за Шэнь Южуном, а во-вторых — отплатить Брату Вану за прежние услуги.

Линь Шо никогда не считал, что кто-то обязан относиться к нему хорошо просто так. Если он со спокойной душой пользовался ресурсами «Звёздного света» или гонял Ван Хулая в поисках инвесторов, то лишь потому, что уже занёс это в свой внутренний список долгов и намеревался вернуть их сполна.

Ван Хулай отплакался и, вытирая слёзы, пробормотал:

— Это от радости... Я просто слишком счастлив.

С самой первой встречи он мечтал увидеть Линь Шо в объективе своей камеры. Сначала виной тому была внешность, но чем больше они общались, тем сильнее становилась эта навязчивая идея.

Каким бы обаятельным и доступным ни казался Линь Шо, он всегда словно был покрыт тонким слоем вечного льда. Он мог со всеми шутить и смеяться, но никто не мог по-настоящему коснуться его сердца. И в то же время сердце это было на удивление мягким — он помнил каждое доброе дело, совершённое ради него.

Такой Линь Шо завораживал Хулая до глубины души. И это не было любовью или влечением. Скорее — искренним восхищением.

— Когда начинаем? — спросил Хулай, всё ещё шмыгая носом.

— Режиссёр Ван закончит свои дела месяца через два. Начнём съёмки рядом с площадкой «Пути Бессмертного». Ему не придётся искать отдельное окно в графике, будет работать на два фронта, — ответил Линь Шо. Серий в сериале много, но многие сцены просты технически, их можно поручить помощникам, так что времени у Ван Дунъяна будет достаточно.

Ван Хулай вытер остатки слёз и решительно заявил:

— С моей стороны никаких проблем!

— Я и не сомневался, — Линь Шо лукаво прищурился.

В этот момент у него зазвонил телефон. Посмотрев на экран, Линь Шо сказал другу:

— Можешь идти готовиться, а у меня есть одно дело.

Хулай забеспокоился:

— Поздно уже. Что за дело? Давай я тебя провожу.

— Да ерунда, просто посылку забрать, — Линь Шо улыбнулся. — Посылку, способную упрятать человека за решётку до конца его дней.

Ван Хулай ничего не понял, но спорить не стал. Он расплатился по счёту и проводил Линь Шо до ворот жилого комплекса. По форме сверток напоминал переносной жёсткий диск.

— Это что?

— Улики, — коротко ответил Линь Шо.

Деньги были потрачены не зря. Его друзья-хакеры действительно сумели вломиться в компьютер того подонка. В почте и на дисках нашлось много интересного.

Теперь оставалось только дожидаться действий полиции. Распространение старых записей само по себе было преступлением, а если вскрыются дела прошлых лет — пожизненное заключение покажется тому негодяю лёгким испугом. И уже не так важно, захотят ли жертвы тех видео давать показания.

Спрятав диск, Линь Шо попрощался с Братом Ваном и поднялся к себе.

В квартире горел свет. Кот Фаньтуань сидел у порога, преданно глядя на дверь. Редко встретишь такого привязчивого питомца. Линь Шо убрал диск и взял кота на руки.

Разувшись и пройдя в гостиную, он замер. Хэ Янь с мрачным видом сидел на диване, явно дожидаясь его.

Уложив кота в лежанку, Линь Шо заметил, как тот испуганно переводит взгляд с хозяина на гостя, словно боясь, что они сейчас разругаются.

Хэ Янь и сам опасался, что если откроет рот, то сразу сорвётся на крик, поэтому даже не стал звонить. Но внутри у него всё кипело. На часах глубокая ночь, а Линь Шо нет дома, и только бедный кот сидит под дверью. Чем дольше он ждал, тем сильнее становилась жалость к Фаньтуаню и тем яростнее — гнев на Линь Шо. Попросил же нормально заботиться о животном, а тот шляется где-то до рассвета!

Дождавшись, пока кот уснёт, Хэ Янь затащил Линь Шо в спальню и плотно закрыл дверь. Линь Шо посмотрел на него с нескрываемым интересом.

Прежде чем Хэ Янь успел начать допрос, Линь Шо обнял его и спокойно объяснил:

— Я вышел всего час назад. Перекусил с другом внизу, вот и всё.

Он говорил так открыто и непринуждённо, что запал Наследного принца Хэ мгновенно испарился. Пойти поесть ночью — дело житейское. Если бы Линь Шо привёл кого-то домой, Янь разозлился бы куда сильнее.

Но тут до Хэ Яня дошёл смысл сказанного. Он вцепился в зацепку:

— С каким ещё другом?

— Ты наверняка о нём слышал. Его зовут Ван Хулай.

— А, Король плохих фильмов! — Хэ Янь припомнил имя.

Линь Шо лишь улыбнулся в ответ.

— И о чём же вы так долго толковали? — не унимался Янь.

Линь Шо показалось, что вопросов слишком много, но он всё же терпеливо ответил:

— Обсуждали новую картину. Режиссёр Ван пригласил его на роль второго режиссёра, он возьмёт на себя часть съёмки.

— А почему это ТЫ с ним обсуждаешь? — недовольно буркнул Хэ Янь.

— Потому что это я написал сценарий.

Хэ Янь вспомнил успех «Наклейщика». Сначала все думали, что это фильм того неудачника, а потом выяснилось, что его компания была лишь главным инвестором. Тут он вспомнил, как Ван Дунъян при встрече упоминал некоего «А-Лая», а Линь Шо называл его «Братом Ваном».

— Ты с ним так близок? — Хэ Янь подошёл вплотную.

Линь Шо обхватил его за шею и легонько поцеловал.

— Гендиректор Хэ, знаешь, на кого ты сейчас похож? Ты ревнуешь.

— Это ТЫ ревнуешь! — вспыхнул тот от смущения.

— Ну конечно, я ревную, — покладисто согласился Линь Шо.

Хэ Янь насупился, не зная, что сказать. Линь Шо принялся осыпать его лицо мелкими поцелуями. Наконец Янь не выдержал и, рыкнув, схватил его за плечи.

— Ещё раз так сделаешь, и я за себя не ручаюсь!

Линь Шо весело прищурился, он довольно улыбнулся. Хэ Янь на мгновение потерял дар речи, глядя на него — в этот миг ему хотелось лишь одного: присвоить Линь Шо целиком и полностью. Но он всё же попытался отстоять позицию:

— С чего бы мне ревновать?! — Он обхватил Линь Шо за талию и повалил на кровать. — Чтобы к Ван Хулаю — ни ногой. К Шэнь Южуну — тоже. И к... к Линь Чу не смей приближаться! Да, особенно к Линь Чу, не вздумай его испортить! И ещё...

Линь Шо прервал поток его «не смей» долгим поцелуем. Он был мастером в этом деле. Хэ Янь мгновенно забыл обо всём на свете; в его глазах отражался только Линь Шо. Этот человек принадлежал ему. Линь Шо, Линь Шо, Линь Шо...

Не в силах больше сдерживаться, Хэ Янь с неистовой силой прижал его к матрасу.

Подготовка к «Искуплению» шла невероятными темпами. Ван Дунъян решил лично поднатаскать Брата Вана, поэтому съёмочная группа почти целиком перекочевала из прошлого проекта. Единственным новым человеком, которого выбрал сам Дунъян, был актёр на роль антагониста — Чжэн Хао.

Вопреки своей фамилии, означающей «хороший», он обладал внешностью прирождённого

злодея. Нет, он не был мордоворотом или типом с бегающими глазками — черты его лица были довольно правильными и даже интеллигентными. Но в их сочетании сквозило нечто порочное, вызывающее подсознательное отторжение.

Именно из-за этого лица Чжэн Хао никогда не получал главных ролей. Он перебивался эпизодами, играя то проходных японских шпионов, то пушечное мясо в бандах. В жизни же Чжэн Хао был человеком на редкость добродушным. Стоило Ван Дунъяну позвонить, как он примчался, даже не спросив о гонораре. Узнав, что ему снова суждено играть преступника, Чжэн Хао не слишком обрадовался, но к изучению сценария подошёл со всей серьёзностью.

Линь Шо встретился с командой, чтобы познакомиться поближе. Увидев Чжэн Хао, он искренне обрадовался:

— Брат Чжэн, вы мне всегда нравились. У вас потрясающая игра, невероятная экспрессия.

Услышав это, Чжэн Хао заметно приободрился. У него появилось предчувствие, что работа будет в удовольствие. Раньше он немного завидовал: всё-таки Линь Шо с его внешностью сразу получил главную роль у именитого режиссёра. Но теперь ему стало совестно за свои мысли.

— Я ведь только злодеев и играю, амплуа одно и то же. Просто набил руку, — скромно заметил он.

— Некоторые всю жизнь играют одну роль и не добиваются вашего уровня, — возразил Линь Шо.

Чжэн Хао просиял.

Церемония начала съёмок прошла скромно. Ван Дунъян ограничился коротким пресс-релизом, но при его славе даже пара строк вызвала бурю интереса. Многие сразу поняли, что фильм снимается ради Шэнь Южуна, и пообещали поддержать проект.

С появлением интернета и доступности информации мнение масс сильно изменилось. Прошли времена, когда люди слепо верили каждому слову прессы. У многих выработалось критическое мышление.

Увидев, в какую сторону дует ветер, Шэнь Южун почувствовал, как с души свалился тяжкий груз. Мрачные мысли, копившиеся годами, начали рассеиваться. Всё верно: выбрав путь актёра, он должен был быть готов ко всему.

В той старой истории он был жертвой. У него не было причин прятаться. И уж точно он не должен был отказываться от мечты и будущего из-за чужих преступлений.

Южун с энтузиазмом взялся за роль. Дела на съёмках «Пути Бессмертного» пошли как по

маслу, и он то и дело донимал Линь Шо вопросом: когда же начнут снимать его сцены в «Искуплении»? Тот лишь отмахивался, веля ему не лезть поперёк батьки в пекло.

Сначала снимали эпизоды с юным протагонистом — мрачные фрагменты, проходящие через весь фильм. Поскольку Линь Шо по комплекции уже напоминал взрослого мужчину, он практически исключил откровенные сцены. Насилие показывали через тени на стенах и отражения в окнах, лишь изредка выхватывая лицо героя. Эти кадры Линь Шо полностью доверил Ван Хулаю.

Сценарий А-Шо писал сам и до мельчайших нюансов понимал психологию каждого момента. Ван Хулай с восторгом ощутил, как безупречно Линь Шо владеет пространством кадра. Когда Линь Шо стоял за камерой — кадр принадлежал ему. Когда Линь Шо входил в кадр — тот всё равно оставался в его власти.

Хулай чувствовал, как боль героя проникает в его собственное сердце. В отличие от грязных любительских видео того подонка, кадры «Искупления» возводили жестокость происходящего в ранг высокого искусства.

Эти ключевые эпизоды снимали целую неделю. Параллельно Ван Хулай работал над сценами с Чжэн Хао. Тот не давал себе поблажек и воплотил образ маньяка с пугающей убедительностью. Увидев, как Хулай снял Линь Шо, он понял — это именно то, что нужно.

Ван Хулай никогда ещё не работал с таким вдохновением. К концу недели до него наконец дошло.

Линь Шо просто указал ему путь. Он не был рождён для комедий; его стиль съёмки вступал в неразрешимый конфликт с юмористическими сюжетами.

Окрылённый этим открытием, он с неослабевающим интересом наблюдал за дальнейшим процессом. Линь Шо разрывался между работой в корпорации Хэ, Ван Дунъян и Шэнь Южун были заняты на «Пути Бессмертного», времени у всех было в обрез. Спасало то, что Линь Шо мгновенно входил в образ, дублей почти не требовалось, и съёмки шли без задержек.

К моменту постпродакшена присутствие Линь Шо на площадке уже не требовалось. Заметив, что тот больше не берет «отгулы», Хэ Янь удивился:

— Что, новый фильм уже сняли?

Линь Шо кивнул. Хэ Янь помрачнел. Поскольку режиссёром был Ван Дунъян, в инвестициях проект не нуждался. Линь Чу в фильме не участвовал, так что у Хэ Яня даже не было повода заглянуть на съёмки.

Он притянул Линь Шо к себе и крепко поцеловал. В последнее время тот выглядел

измотанным, и Янь старался его не беспокоить — только спали в обнимку. Но раз съёмки закончены, пора бы и честь знать.

Его сильные руки собственнически сжались на талии Линь Шо. Столь явный намёк трудно было проигнорировать. Сдержанность Хэ Яня в последние недели приятно удивила Линь Шо. Он закинул руки ему за шею и всем телом прижался к нему, отвечая на страсть с неожиданным жаром.

Желание Хэ Яня вспыхнуло с новой силой. Они не могли оторваться друг от друга до глубокой ночи. И только когда у Линь Шо не осталось сил даже открыть глаза, Янь нехотя отпустил его и отнес в ванную.

Линь Шо неосознанно прижался поплотнее к его груди. Хэ Яню казалось, что каждая клеточка его тела поёт от восторга.

Этот Линь Шо принадлежал ему. Только ему.

<http://bllate.org/book/17574/1713530>